

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

для дѣтей.

№ 5
1 МАРТА

1906 годъ.

Мартъ № 5.

Содержаніе.

1. Врѣсъ—отдохновеніе В. М. Васильева. С. 1.
2. Воронъ—разсказъ В. Ломанова (Воровскій). С. 2.
и снимкомъ съ картинъ Н. Притчинскаго. Слѣдъ изъ одорана
Севастополя.

3. Матюшка—разсказъ В. Ломанова. С. 3.
съ картинъ В. Ломанова. Вдѣланный садъ.
4. Царевна—разсказъ Н. Манессина.

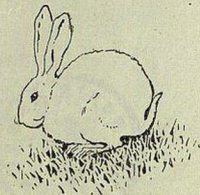
5. Подражаніе въ природѣ—А. Гейсера (Окончание). С. 8.
и снимкомъ съ картинъ В. Ломанова.

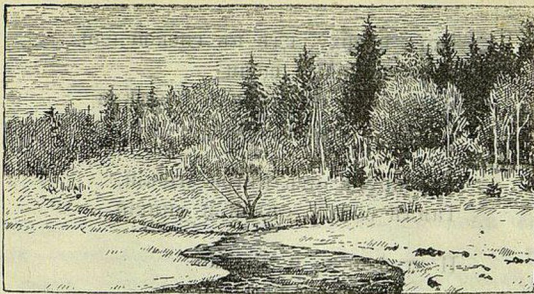
ТРОПИКЪ.

Содержаніе.

1. **Въ лѣсу**—стихотвореніе *Вл. Паста*. Съ рисункомъ.
2. **Воронъ**—разсказъ *В. Поливанова*. (*Продолженіе*). Съ 2 рисунками и снимкомъ съ картины *И. Пряшникова* Сцена изъ обороны Севастополя.
3. **Матушка**—разсказъ *О. Вьялевской*. Съ рисункомъ и снимкомъ съ картины *В. Полнова* Бабушкинъ садъ.
4. **Царевна**—разсказъ *Н. Манасеиной*.
5. **Подражаніе въ природѣ**—*А. Генкель*. (*Окончаніе*). Съ 8 рисунками.
6. Ребусъ.
7. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 4-мъ №.

Въ лѣсу.

ИХО шель тѣнистой тропкой
Я, задумчивый и робкій;
Вкругъ меня, сѣдой и топкій,
Таяль, таяль снѣгъ.

Въ тонкой сѣти палыхъ иголь
Таяль, таяль снѣгъ.

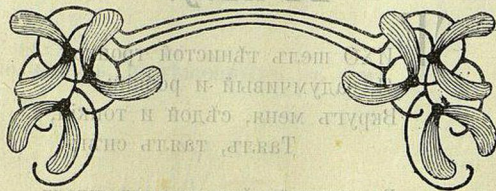
Вѣтеръ вѣтви елокъ двигаль,
Вѣтеръ лѣсомъ бѣгаль, прыгаль,
Въ спину хвоей сѣкъ.

Тамъ вверху, гдѣ въ гибкой ели
Перемѣнчивыя шели
Пробиваль онъ, внизъ глядѣли
Сонные лучи.

А вокругъ, отъ вѣтра зыбкій,
Таяль снѣгъ, сѣдой и липкій,

И отрывисто и хрипко
Каркали грачи.

Вл. Пястъ.

Воронъ.

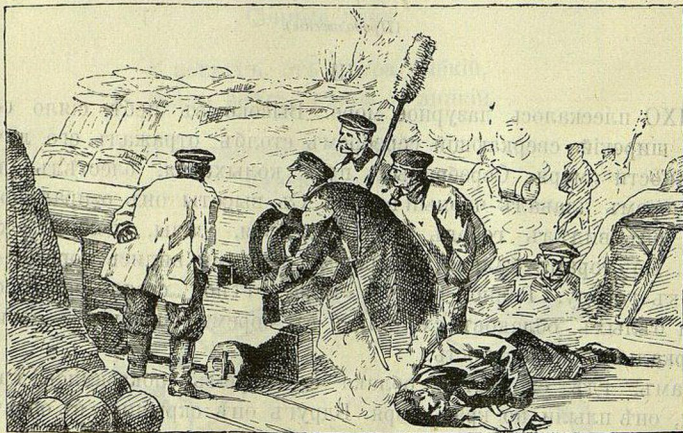
(Продолженіе).

Ш.

УИХО плескалось лазурное море. Высоко въ небѣ сіяло солнце; широкій сверкающій серебромъ столбъ отражалъ его лучи на поверхности моря. Серебряный путь колыхался, блестя огнями. Надъ моремъ плавалъ черный воронъ. Съ высоты онъ озиралъ окрестность, онъ видѣлъ городъ у берега моря, сады, долины, крутыя скалы. По горамъ бѣлыми пыльными лентами вились дороги, сбѣгались къ городу. Ровное голубое море стѣной стояло за городомъ. Клубы бѣлыхъ облаковъ сходились съ моремъ, погрузивъ свои края въ зеркальную поверхность.

Тамъ, гдѣ сходились облака съ моремъ, показались какія-то птицы, онѣ плыли по краю моря. Вдругъ онѣ скрылись въ облачкахъ, рожденныхъ ими, и глухіе удары долетѣли до слуха. Какъ будто кто-то гигантскимъ молотомъ ударилъ по горамъ и гулкимъ эхо отвѣтили горы и замолчали. Не понялъ воронъ, что это люди гремятъ, враждуя другъ съ другомъ. Отвѣтнымъ залпомъ взревѣли пушки внизу, на берегу моря, укрывшись въ скалахъ. Птицы-корабли вновь укрывались облачками и снова молотъ въ горахъ ударилъ.

А воронъ плавалъ, не понимая, что значить громъ, когда на небѣ такъ ярко солнце огнемъ играетъ и тучи тонуть въ глубокомъ морѣ и не слышно грозы въ воздухѣ.

Съ картины И. Прянишникова Сцена изъ обороны Севастополя.
(Принадлежитъ Севастопольскому музею).

У страшнаго чудовища, спрятаннаго за скалою, столпились люди. Пасть чудовища глядѣла въ море, гдѣ плыли птицы. Люди вози-лись около страшнаго звѣря, потомъ векочили на ноги и изъ пасти

звѣря вылетѣлъ тяжелый ревъ, вспорхнуло облачко и въ спокойномъ воздухѣ раздался тоскливый свистъ. Что то понеслось въ сторону, гдѣ плавали невиданныя птицы.

Воронъ поднимался все выше и выше. Вѣлый городъ лежалъ на склонѣ горы, сбѣгая къ морю. Дымъ вставалъ надъ городомъ. Воздухъ со свистомъ рѣзали тяжелые снаряды, ударились въ стѣны домовъ, и съ грохотомъ рушились тяжелыя зданія, погребая подъ своими развалинами людей. Къ грому орудій присоединялась трескотня ружей. Тяжелые стоны раненыхъ летѣли съ земли. Упадетъ чело-вѣкъ, застонетъ, къ нему бѣгутъ другіе, поднимаютъ на носилки и несутъ...

Перестрѣлка росла. Приходили послѣдніе дни Севастополя. Бастионы, расположенные дѣльню вокругъ города, изнемогали.

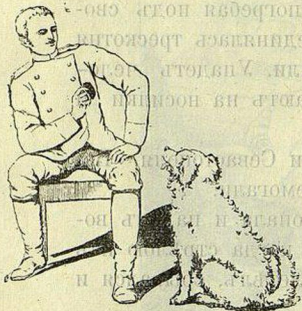
Шальная пуля взвилась въ небо, въ крыло попала и падалъ воронъ на землю къ людямъ, не такъ какъ прежде, когда стрѣлою изъ облаковъ онъ билъ добычу! Онъ бился, падалъ, летѣлъ, срывался и опустился на берегъ моря.

Густая кровь по чернымъ перьямъ сочилась тихо, бѣжать хотѣлъ онъ, но боль тупая ему мѣшала. Его подобралъ солдатъ въ бѣлой рубашкѣ и понесъ; долго несъ, потомъ сунулъ въ корзинку, перевязавъ тряпкой крыло, закрылъ корзинку и ушелъ.

Боль утихала. Воронъ попытался открыть крышку, но не могъ, онъ началъ биться въ глухой корзинѣ, но боль въ крылѣ опять заняла и присмирѣлъ воронъ.

Деньщикъ Иванъ поймалъ раненаго ворона и отнесъ на квартиру.

Подъ вечеръ, когда оба офицера, которымъ онъ прислуживалъ, вернулись и съѣли ужинать, Иванъ притащилъ корзинку и вынулъ ворона. Онъ испуганно бился, но молодой офицеръ бережно омылъ ему крыло водою и перевязалъ платкомъ. Воронъ сидѣлъ на корзинѣ и смотрѣлъ.

Желтая пушистая собака, Шарикъ, сидѣла у стола на полу, заглядывая въ ротъ ужинавшимъ офицерамъ. Старый офицеръ сидѣлъ, угрюмо откинувшись на спинку стула, а молодой разговаривалъ съ деньщикомъ, кидалъ Шарикѹ кусочки хлѣба, тотъ на лету ловилъ ихъ, щелкая зубами.

Старый офицеръ молча глядѣлъ на своего товарища, пуская клубы табачнаго дыма, совершенно закрывавшіе его доброе, грустное лицо.

— А, господинъ полковникъ! — кричалъ молодой, обращаясь къ Шарикѹ, — какъ ваше здравіе?

Шарикъ бросился къ офицеру.

— Какъ вы провели нынѣшній день, полковникъ? — продолжалъ онъ, глядя Шарика по головѣ.

— Не укусила-ли васъ какая бомбочка?

Шарикъ поставилъ ему лапы на колѣни и, радостно виляя хвостомъ, тянулся къ нему.

— Ну, ну, ну, я вѣрю, что вы очень ласковы, однако совершенно излишне тянуться прямо въ лицо!

Шарикъ не слушалъ внушеній и ловко лизнулъ его въ носъ.

— Ахъ, ты негодяй — воскликнулъ офицеръ и отпихнулъ собаку.

— Вѣчно какую-нибудь гадость придумаетъ!

Смирно! — громко крикнулъ онъ, утираясь платкомъ.

Шарикъ всталъ на заднія лапы, одно ухо поднялось, другое опустилось.

— Вольно! скомандовалъ офицеръ. Шарикъ опустился на переднія лапы и завиллялъ хвостомъ.

— Ну, поди, поди сюда, животина, — ласково заговорилъ молодой офицеръ, — поди сюда, я тебѣ сахара дамъ. — Шарикъ получилъ сахаръ, визжалъ отъ радости, носился по всему двору, тыкаясь во все углы. Онъ прилегалъ на землю, потомъ срывался и стрѣлою носился вкругъ, чуть не сшибая съ ногъ ходившаго взадъ и впередъ по двору офицера.

Становилось темно. Воронъ спалъ въ корзинѣ. Усталый Шарикъ дремалъ, свернувшись калачикомъ у ногъ своего хозяина. На маленькомъ столикѣ горѣла лампочка и бросала свой слабый свѣтъ на бѣлую стѣну дома. Темный пирамидальный тополь у стѣны стоялъ неподвижно.

Ночь была теплая, южная. Изрѣдка доносились одиночные выстрѣлы.

Рана у ворона заживала. Онъ скоро привыкъ къ своимъ хозяйкамъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ вечеромъ ихъ возвращенія. Летать онъ не могъ. Онъ забивался въ уголь, когда канонада росла, и весь воздухъ дрожалъ отъ выстрѣловъ. Офицеры уходили каждый день утромъ. Иногда какой-нибудь изъ нихъ не возвращался, оставаясь тамъ, гдѣ стрѣляли, и на ночь. Шарикъ тоже убѣгалъ съ ними.

Былъ жаркій полдень, крыло не ныло и воронъ вспомнилъ былую волю. Далеко слышны раскаты пушекъ, а небо чисто и солнце свѣтитъ. Подняться въ небо и вновь извѣдать полетъ свободный захотѣлось ворону. Онъ рванулся и быстро къ небу широкимъ кругомъ сталъ подниматься. Вернулись силы, свобода, воля, просторъ небесный, тепло и солнце!

Разрушенъ городъ. Тамъ, гдѣ поднимались бѣлыя громады зданій, лежали теперь груды камней. Аллеи тополей поникли, вырванныя снарядами, срубленныя на топливо. Изъ подъ воды поперекъ залива торчали мачты потопленныхъ кораблей. Уцѣлѣла часть города, прикрытая горой отъ непріятели; тамъ сновали люди, проходили подкрѣпленія, проносили раненыхъ. Подкрѣпленія проходили туда, откуда всего больше доносились звуки пальбы.

Долго парилъ надъ городомъ воронъ, отыскивая своихъ друзей, наконецъ нашелъ ихъ и громко каркнулъ надъ ними въ небѣ.

За окопомъ прилегла кучка солдатъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, свѣтившихся на солнцѣ. Оба офицера были съ ними. Въ окопѣ шла оживленная перестрѣлка. Пули пѣли, жужжали. Среди солдатъ былъ и

деньщикъ Иванъ. Онъ увидалъ ворона и слышалъ его крикъ надъ головою.

Укрѣпленіе плохо прикрывало его защитниковъ. Непріятельскіе снаряды изрыли земляной валъ, но люди, лежавшіе за валами не обращали вниманія на опасность.

Далеко, далеко поднялось облачко. Офицеры, стоя за валомъ, о чемъ-то говорили. Молодой доказывалъ старшему и горячился.

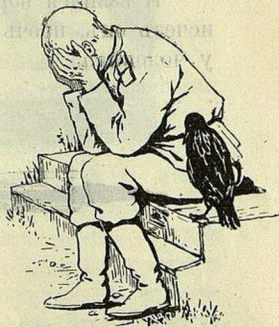
Долетѣлъ глухой ударъ.

— Летить!—раздался крикъ.

Пыль поднялась съ земли, гдѣ стояли офицеры и когда она разсѣялась, старый офицеръ лежалъ на спинѣ убитый, а молодой сидѣлъ, стараясь приподняться и стать на ноги. Сбѣжались солдаты, столпились вокругъ нихъ, молодого повели подъ руки, а стараго отнесли въ сторону и накрыли сѣрой шинелью.

Пальба продолжалась. Новыя облачка поднимались и слышались среди выстрѣловъ стоны и крики людей.

Молодого офицера понесли къ городу. Воронъ летѣлъ надъ нимъ. Несъ Иванъ и другой солдатикъ. Они донесли его до большой раскинутой палатки, къ которой со всѣхъ сторонъ сносили раненыхъ, внесли въ палатку и вышли изъ нея безъ офицера.

Поздно вечеромъ вернулся Иванъ. Онъ былъ одинъ. Шарикъ тоже пропалъ. Иванъ сѣлъ на крылечко и заплакалъ.

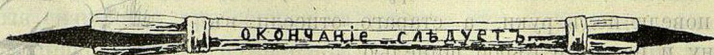
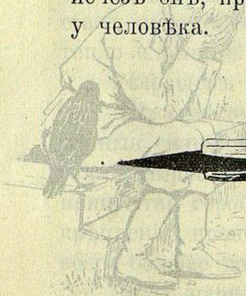
Спустился воронъ и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

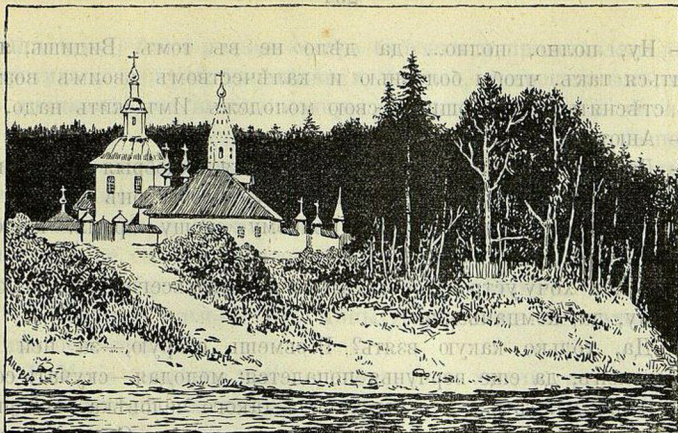
Схватилъ человѣкъ птицу обѣими руками и бросилъ въ небо. —Лети!—онъ крикнулъ,—лети, проклятый, бѣду накаркалъ, лети отсюда!

Не понявъ воронъ, и, описавши дугу по небу, хотѣлъ вернуться, но человѣкъ схватилъ ружье и сталъ цѣлиться въ него.

И взвился воронъ въ родное небо, и въ черной ночи, какъ тѣнь, исчезъ онъ, прочь направляя полетъ свой быстрый. И сжалось сердце у человѣка.

В.И.Поливановъ.

Матушка.

I.

— Итакъ, рѣшено, что я больше не встану съ этого кресла. Нѣтъ, нѣтъ, не утѣшай меня. Я давно это предвидѣла и приготовилась.

— Ты всегда была сильна душой, Анюта. Я тебѣ удивляюсь, я преклоняюсь предъ тобой.

— Ну, полно, полно... да дѣло не въ томъ. Видишь, я хочу устроиться такъ, чтобы болѣзнью и калѣчествомъ своимъ возможно менѣе сбѣснять окружающихъ, свою молодежь. Имъ жить надо.

— Анюта, твои внучки...

— Да, да, конечно, онѣ очень милыя и добрыя дѣвочки и не тяготятся мной. Но я сама то не хочу, чтобы онѣ лучшіе годы просидѣли съ больной старухой. Всякому овощу время. Молодость коротка...

Вотъ я и хочу устроить такъ, чтобы при мнѣ всегда былъ человѣкъ.

— Ну, да, компаньонка.

— Да, только какую взять? Возьмешь старую,—за ней самой уходъ нуженъ, да еще ворчунья попадется; молодая—скучать со мной будетъ, вонъ глядѣть... А я бы хотѣла такого человѣка, который бы не тяготился мной, котораго бы никуда не тянуло... Согласись, трудно найти такую?

Разговоръ этотъ происходилъ въ бабушкиной спальнѣ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ доктора объявили, что бабушка навсегда лишилась употребленія ногъ, и что ей предстоитъ всю остальную жизнь не разставаться съ кресломъ. Тщательно одѣтая, въ нарядномъ чепцѣ на густыхъ, сѣдыхъ волосахъ, обрамлявшихъ энергичное лицо ея съ крупными чертами, она держалась прямо и, если бы не кресло на колесахъ, да не укрытыя пледомъ больныя ноги, нельзя было бы, глядя на нее, подумать, что это неизлѣчимо больная. Собою сѣдница бабушки, которую мы, дѣти, и старшія двоюродныя сестры,

называли тетей, была родная сестра бабушки и представляла ее полную противоположность: маленькая, худенькая, съ крошечнымъ, поблекшимъ личикомъ, она носила модную прическу, одѣвалась по послѣднему журналу, отъ пустяковъ приходила въ восторгъ и безпомощно опускала руки передъ самой пустой неприятною. Старшую сестру свою она очень уважала и нѣсколько даже побаивалась ея, а та снисходила къ слабостямъ Маріи Дмитріевны и, хотя считала ее неособенно умной и вовсе, не смотря на свои 50 лѣтъ, неопытной въ житейскихъ дѣлахъ, но иногда обращалась къ ней за совѣтомъ. Это случалось, когда собственный трезвый умъ Анны Дмитріевны не находилъ выхода изъ положенія.

— У Marie бываютъ такія оригинальныя мысли, которыя никому другому не придутъ въ голову,—говорила она и нерѣдко обращалась за совѣтомъ къ Маріи Дмитріевнѣ.

Такъ случилось и на этотъ разъ.

— Анюта, я думаю,—начала Марія Дмитріевна робко и нерѣшительно:—я думаю... если бы къ тебѣ пригласить монахиню?..

Нѣсколько секундъ Анна Дмитріевна не могла придти въ себя отъ удивленія, а Марія Дмитріевна съежилась на своемъ стулѣ, какъ провинившаяся дѣвочка.

— Монахиню?! Разодолжила матушка! Это только тебѣ и можетъ придти въ голову, Машенька. Монахиню! Да что же я съ ней дѣлать стану, скажи пожалуйста?

— Не сердись, Анюта, я такъ думала, что монахиня... куда же

ей.. ит. ея она не будетъ вонъ глядѣть, какъ ты боишься! Вѣдь ей ни развлеченій, ни общества, ничего не надо. Я и думала, что можетъ быть, .. я бы могла попросить мать Пульхерію прислать акого-нибудь. Не сердись, Анюта, я вѣдь отъ чистаго сердца.. *внѣзвѣстн* Богъ съ тобой, Маша (бабушка называла Марію Димитріевну этимъ уменьшительнымъ именемъ только въ самыя хорошія минуты, когда была тронута чѣмъ-нибудь и оставляла свой обычно-властный и рѣзкій тонъ). *внѣзвѣстн* Богъ съ тобой, какъ я могу на тебя сердиться? Да то, что ты предлагаешь, вовсе и не такъ.. *внѣзвѣстн*

— Глупо,—подказала ей Марія Димитріевна, вся просіявшая, обрадованная.

— Ну, ужъ и глупо,—засмѣялась бабушка.

II.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, сидя съ братомъ Митей на широкомъ подоконникѣ въ мезонинѣ, гдѣ помѣщались наши дѣтскія комнаты, мы увидѣли, что къ нашему дому подъѣхалъ старомодный возокъ. Швейцаръ открылъ дверцу возка и изъ него вышли двѣ монахини въ рясахъ съ широкими рукавами и въ высокихъ клобукахъ. *внѣзвѣстн*

— Митя, монахини, — сказала я брату. Кудрявая головка Мити прильнула къ оконной рамѣ, а его маленькій носъ сплюснулся на стеклѣ.

— Ай, какой у тебя носъ. Смотри! Смотри!

— Я тоже прижалась носомъ къ стеклу и, забывъ о монахиняхъ, мы оба начали смѣяться, косясь другъ на друга и строя гримасы.

Анюта застала насъ за этой интересной забавой. Она сняла Митю съ окошка и стала бранить меня за глупую выдумку.

— Баловница этакая! Какъ не стыдно!

Это было несправедливо: я вовсе не была баловницей, напротивъ, всѣ находили меня слишкомъ серьезной для моихъ лѣтъ и за эту мою серьезность Анюта и не любила меня.

Веселость моя пропала. Я тихонько сошла съ подоконника и ушла въ сосѣдную комнату, гдѣ были наши игрушки. Игрушекъ было множество: вся комната была заставлена ими, намъ дарили и бабушка, и тетя, и двоюродныя сестры и братья, но мы ими почти не занимались: Митя былъ слишкомъ малъ, а я не любила разряженныхъ куколъ, которыхъ Анюта не позволяла раздѣвать, и крытой шелкомъ мебели, въ порядкѣ разставленной возлѣ стѣнъ. Меня плѣняли деревянные кухонные столы и табуретки, которыя продають въ разность въ Гостинномъ дворѣ, и маленькія фарфоровыя, neodѣтыя куколки.

Одинъ разъ я робко попросила Анюту купить мнѣ такой столикъ и двѣ табуретки.

— Вотъ глупости! — сказала она, — мало у насъ игрушекъ.

По уходѣ моемъ изъ дѣтской Анюта стала играть съ Митей, а я забилась въ уголъ игрушечной и отдалась своимъ одинокимъ думамъ.

Вдругъ по деревянной лѣстницѣ, ведущей къ намъ снизу, послышались шаги.

— Анна Николаевна, барышню зовутъ внизъ генеральша.

— Сейчасъ. А что тамъ, Андрей?

— Игуменья изъ П—го монастыря.

— Это зачѣмъ?

— Кто ихъ знаетъ... Такъ приказали немедленно.

— Сейчасъ. Соня!

Анюта пригладила мнѣ волосы, обдернула кушакъ, посмотрѣла, чистыя ли у меня руки, позвала горничную посидѣть съ Митей и, взявъ меня за руку, повела внизъ.

На диванѣ бабушкиной спальни сидѣла монахиня въ высокомъ клубукѣ, съ котораго спускался черный вуаль, и съ четками на полной, желтовато-бѣлой рукѣ. Когда мы вошли съ Анютой, она повернула къ намъ круглое, тоже пухлое, блѣдно-желтое лицо съ маленькими черными глазами безъ блеска.

— Вотъ, матушка, внучка моя.

— Натальи Григорьевны дочка?

— Да.

— Сиротка, — проговорила монахиня и протянула мнѣ пухлую руку, къ которой я осторожно прикоснулась губами (по дорогѣ внизъ Анюта сказала мнѣ, что я должна поцѣловать руку). Отъ четокъ пахло не то скипидаромъ, не то ладаномъ.

— А супругъ Натальи Григорьевны?

— Онъ умеръ черезъ два мѣсяца послѣ смерти Наташи.
Монахиня сокрушенно покачала головой.

— Помнить папашу съ мамашей?

— Нѣтъ, гдѣ же? Ей было три года, когда они умерли.

— Вотъ привелъ Господь вамъ всѣхъ внуковъ воспитывать!

— Да, что дѣлать.

— А старшій сынъ вашъ въ отечествіи?

— Да, онъ на Востокѣ.

— Поди, скучаетъ безъ дѣтокъ-то?

— Что дѣлать! Съ собой взять ихъ не могъ, вѣдь имъ всемъ учиться надо, да и гдѣ же мужчинѣ съ дѣтьми возиться. Пока я жива, все со мной, ну, а тамъ, что Богъ дастъ.

— Разумѣется, Анна Димитріевна, Его святая воля.

Меня скоро отпустили.

— Гдѣ же другая монахиня?—думала я,—вѣдь пріѣхали двѣ.

Когда мы проходили по корридору мимо бабушкиной уборной, я увидѣла тамъ высокую фигуру другой монахини. Бабушкина горничная что-то показывала ей.

Вечеромъ мы узнали, что высокая монахиня будетъ жить у насъ, чтобы ухаживать за бабушкой.

III.

Митя пилъ утромъ молоко въ дѣтской, я же къ 9-ти часамъ должна была приходиться въ столовую, гдѣ собиралась вся наша семья

за исключеніемъ бабушки, пившей кофе „у себя“. Обыкновенно, войдя въ столовую, большую темноватую комнату съ длиннымъ столомъ и рядомъ высокихъ стульевъ съ рѣзными спинками, я заставляла всѣхъ въ сборѣ.

Лиза и Таня, мои двоюродныя сестры по отцу, высокія, очень хорошенькія дѣвушки (Лизѣ было 17 лѣтъ, Танѣ 16 лѣтъ) пили чай, перекидываясь иногда отрывочными фразами, m-me Роберъ, воспитательница сестеръ, сидѣла за самоваромъ. Она подставляла мнѣ щеку, когда я подходила къ ней съ церемоннымъ реверансомъ, я здоровалась съ сестрами и усаживалась передъ своимъ приборомъ.

Спускаясь внизъ утромъ на другой день по пріѣздѣ къ намъ монахини, я ожидала увидѣть въ столовой высокую черную фигуру въ клубокъ съ четками на рукахъ, и была очень удивлена, замѣтивъ въ концѣ стола какую-то простую женщину въ черномъ платьѣ и сѣромъ ситцевомъ платочкѣ на головѣ.

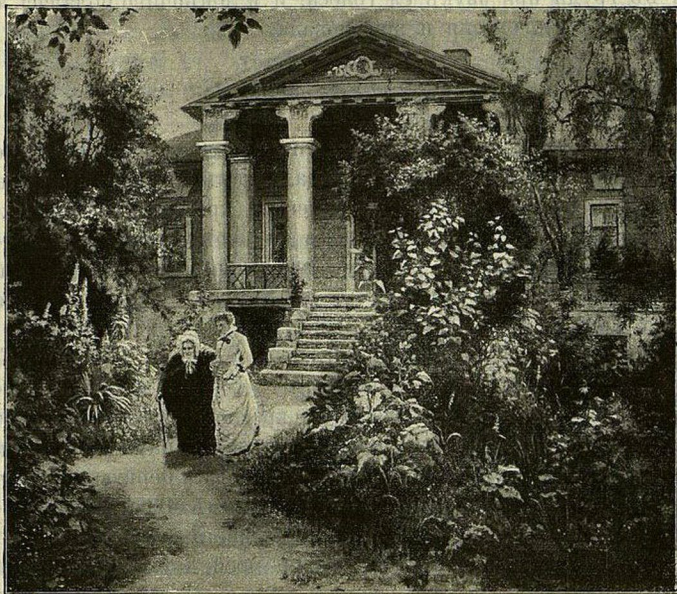
Поздоровавшись съ m-me Роберъ и сестрами, я подошла къ незнакомой женщинѣ и остановилась въ смущеніи, не зная, какъ ей поклониться. Мнѣ казалось почему-то неловкимъ сдѣлать ей реверансъ.

M-me Роберъ вывела меня изъ затрудненія.

— Матушка, — сказала она, — вотъ это третья внучка Анны Димитріевны, Соня.

Женщина поставила на столъ чашку, которую держала въ рукѣ и повернулась ко мнѣ. У ней было блѣдное продолговатое лицо, серьез-

ное и кроткое, какъ лики святыхъ на художественныхъ образахъ. Изъ подъ темныхъ бровей ясно глянули на меня глубокіе сѣрые глаза.

Съ картины В. Полънова. Бабушкинъ садъ.

— Милая! — сказала она съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ задушевной ласки въ голосъ и протянула мнѣ руки. Что-то дрогнуло у меня въ груди при звукѣ ея голоса, и я довѣрчиво подалась ей навстрѣчу. Она обняла меня и поцѣловала.

IV.

Каждый вечеръ, передъ сномъ, Анюта водила насъ съ Митей къ бабушкѣ прощаться. Бабушка спрашивала, какъ мы вели себя въ продолженіи дня, не шалили-ли, слушались-ли, крестила насъ обоихъ, мы цѣловали ей руку, она цѣловала насъ въ лобъ и отпускала.

Когда въ день пріѣзда матушки мы вошли вечеромъ въ спальню, монахиня тихонько прибирала что-то въ комнатѣ. Простившись съ бабушкой, я довѣрчиво подошла къ ней.

— Покойной ночи, — сказала я тихо.

— Ноти, — повторилъ за мной Митя.

— Милые мои. — Она положила на кресло простыню или скатерть, которую держала въ рукахъ и наклонилась къ намъ съ задушевной лаской въ голосъ и взглядѣ, который, какъ и въ первую встрѣчу, проникъ въ мое сердце и наполнилъ его сладкимъ чувствомъ.

— Младшій внукъ вашъ, Анна Дмитріевна?

— Да, матушка, остался отъ дочери моей двухъ мѣсяцевъ.

Рука монахини ласково гладила кудрявые волосики Мити. Мнѣ было грустно и сладко

— Ну, идите, Анюта, — сказала бабушка, и въ голосѣ ея чуткій слухъ мой уловилъ какія-то незнакомыя мнѣ ноты.

Я робко подняла глаза. Строгое лицо бабушки было смягчено не то грустью, не то лаской.

Передъ сномъ въ этотъ вечеръ я съ чувствомъ прочла молитвы, какія знала и заснула съ какимъ-то умиленно-радостнымъ чувствомъ.

V.

Матушку помѣстили рядомъ съ бабушкиной уборной, въ комнатѣ, выходившей окнами на югъ и въ ясные дни ярко залитой солнечнымъ свѣтомъ. Когда вѣтеръ качалъ вѣтки кустовъ въ палисадникѣ, узорная тѣнь скользила по желтому крашеному полу. Въ правомъ углу комнаты теплилась лампада передъ образомъ, осѣненнымъ пальмовой вѣткой. Эти вѣтки и образъ обратили на себя мое вниманіе въ первый приходъ мой въ матушкину „келью“. У насъ въ каждой комнатѣ висѣли образа, но это были крошечные образки въ серебряныхъ ризахъ; висѣли они высоко подъ самымъ потолкомъ и лампы передъ ними никогда не зажигали кромѣ лампы въ Аютиной комнатѣ, но Анюта, педантично аккуратная, рѣдко позволяла намъ съ Митей заходить къ ней въ комнату, а съ образа ея темный ликъ Николая Угодника такъ строго глядѣлъ на меня, что я его боялась.

Матушкинъ образъ былъ безъ ризы, на немъ изображена была

церковь, полная молящагося народа; на амвонѣ передъ открытыми царскими вратами, стоялъ діаконъ, благоговѣнно поднося вѣнецъ къ небу, а надъ нимъ, паря въ воздухѣ, Матерь Божія простирала свой покровъ надъ молящимися.

— Это „Покровъ Царицы Небесной“ — сказала матушка, замѣтивъ, что я внимательно разсматриваю образъ. — У насъ въ обители писанъ. Когда сарацины на Царьградъ напали, вѣрующіе собрались разъ въ храмъ и усердно молили Матерь Божию о заступленіи. И явилась имъ Царица Небесная, молящаяся о нихъ Сыну Своему и покровъ свой надъ ними держала. А эта вѣтка изъ стараго Іерусалима привезена, изъ Святой Земли, гдѣ Господь нашъ жилъ. Вотъ откуда.

Я раньше слыхала о Богѣ, о Сынѣ Божіемъ, насъ водили изрѣдка въ церковь, заставляли утромъ и вечеромъ читать молитвы, но Богъ, святые, Матерь Божія, — все это были для меня пустые звуки, что-то чуждое, непонятное, далекое мнѣ. Простыя слова матушки о Богѣ, жившемъ на землѣ, о Матери Божіей, покрывавшей людей своимъ покровомъ, упростили, приблизили Бога ко мнѣ. Поняла-ли матушка, чего не хватало въ моей одинокой жизни, и пожалѣла меня, или просто почувствовала симпатію къ маленькой молчаливой дѣвчкѣ, не знаю, но ей удалось побѣдить мою дикость и не прошло недѣли послѣ пріѣзда къ намъ монахини, какъ комната ея сдѣлалась моимъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Утромъ между чаемъ и завтракомъ бабушка занималась дѣлами: распорядилась по хозяйству, принимала управляющаго, писала письма. Эти часы матушка была свободна и проводила

ихъ въ своей комнатѣ. Если мы не шли гулять и Анюта была въ духѣ, я просила позволенія пойти внизъ. Быстро сбѣгала я съ лѣстницы, проходила рядъ парадныхъ комнатъ, поворачивала въ корридоръ, ведущій на бабушкину половину и робко останавливалась на порогѣ „кельи“. По утрамъ въ своей комнатѣ матушка не носила рясы, а одѣвалась въ черный люстриновый сарафанъ и сѣрую ситцевую рубашку съ высокимъ воротомъ и рукавами, широкими у плеча и плотно обхватывающими кисти рукъ. Надвинувъ на глаза платокъ „отъ солнышка“, она сидѣла у окна за работой, шила или чинила что-нибудь, или вязала бисерные кошельки и цѣпочки.

— А, Сонюшка!—лицо ея озарялось привѣтливой улыбкой, она пододвигала мнѣ стулъ, я садилась и начинались рассказы о монастырѣ, монахиняхъ и богомольцахъ.

— Хорошо у насъ въ обители. Кругомъ лѣсъ, въ лѣсу озеро большое, чистая, чистая вода, каждый камешекъ виденъ. На Марію Магдалину, 22 июля, у насъ престоль. Вотъ народу соберется! Съ вечера приходятъ, ко всенощной. Гостиница у насъ небольшая. Ну, тамъ, которые слабые или больные, старушки, купчихи изъ города пріѣзжаютъ, тѣ въ гостинницѣ ночуютъ, а прочіе за оградой монастырской. Время, знаешь, теплое, ночи тихія; раскинуть палатки, балаганы такіе, костры разложить, самовары ставятъ, на таганчикахъ пирожки жарятъ.

— Послѣ ранней обѣдни, крестный ходъ на Святой ключъ. Вереть пять будетъ отъ обители; въ лѣсу часовенка деревянная подъ горкой, а изъ-подъ той горы ключъ свѣтлый бьетъ, какъ слеза чистый, изъ

земли бьетъ и бѣжитъ по камешкамъ, песочекъ желтый. Надъ ключемъ березки, тѣнь, благодать, тишина...

Крестный ходъ на версту растянется. Впереди духовенство съ крестами, за нимъ монахини пѣвчія, игуменья, сестры, богомольцы. Поютъ у насъ хорошо. Сестра Серафима хоромъ управляетъ. Она изъ благородныхъ, барышня богатая была, у хорошихъ учителей училась. Такъ вотъ, она у насъ пѣніемъ завѣдуетъ. Здоровьемъ она слабая, какъ свѣча восковая изъ лица бѣлая, а голосъ сильный. Владыка пріѣзжалъ къ намъ въ обитель и тотъ наше пѣніе одобрялъ и очень удивлялся. Ужъ въ церкви хорошо поютъ, а въ лѣсу, да раннимъ утромъ и описать невозможно. Всю дорогу молитвы поютъ, потомъ въ часовнѣ надъ ключемъ молебень и обратно въ монастырь съ пѣніемъ.

Храмъ у насъ свѣтлый. Солнышко кругомъ его обходитъ: утромъ въ алтарѣ, за вечерней въ боковыя окошки, вся церковь свѣтится. Какъ запоютъ: „Свѣте тихій“ — умирительно, Сонюшка.

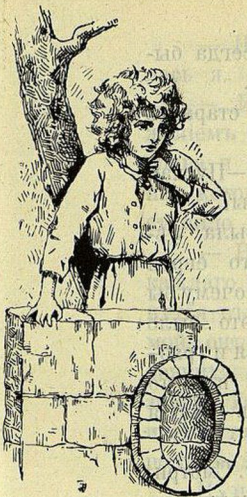
Во время всенощной матушка иногда читала бабушкѣ Евангеліе, а въ церковь ходила только по воскресеньямъ и въ большіе праздники къ заутрени и ранней обѣднѣ.

Сойдя въ воскресенье въ столовую, я находила передъ своимъ приборомъ провиру.

— Богъ милости прислалъ, — говорила матушка, цѣлуя меня.

О. Вьялевская.

Царевна.

НА открыла мнѣ свою тайну подъ старой сливой, съ которой мы собирали клей. Мы очень любили жевать этотъ клей, хотя отъ него слипались пальцы и онъ вязъ на зубахъ.

Вечерѣло. Бѣлые домики подъ горой становились сѣрыми и въ одномъ изъ дальнихъ оконъ засвѣтился огонь.

— И Богъ разсердился на нашъ народъ и разсѣялъ его по всей землѣ, но царство наше осталось...— звучали въ моихъ ушахъ послѣднія слова моего друга.

— Хорошо, про царство это я давно поняла, но объясни мнѣ, почему же ты-то царевна?

— Удивительно, какъ это для тебя непонятно.—Цыпая пожалала худыми плечами и, вложивъ еще больше убѣдительности въ голосъ,

продолжала:—Ты только пойми, вѣдь въ каждомъ царствѣ всегда бываютъ царевны, значитъ, если есть царство,—есть и царевна.

Цыпани остановилась и пытливо посмотрѣла на меня, стараясь сообразить, насколько я прониклась ея доводами.

— Хорошо,—немного помолчавъ и подумавъ, сказала я.—Пускай въ каждомъ царствѣ есть царевны, но почему царевна это ты?

Вопросъ этотъ больше всего смущалъ меня. Я готова была вѣрить въ царство. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ и я знала, что евреи разсѣяны по землѣ, но когда-то у нихъ было свое царство. Почему бы имъ и не вернуть его? Богъ проститъ и царство вернется, это было довольно правдоподобно, но въ то, что Цыпани, вклокоченная и грязная Цыпани, дочь часовщика и базарной торговки—царевна, въ это я никакъ не могла повѣрить. Мнѣ нужны были какія нибудь вѣскія доказательства, и я настойчиво требовала ихъ.

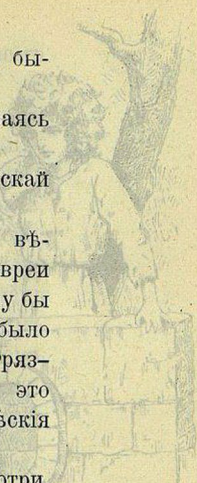
— Ты все хочешь знать, почему я царевна? Ну, вотъ почему. Смотри. Быстро растегнувъ вылинявшую и засаленную ситцевую кофточку, Цыпани вытащила изъ за ворота шнурочекъ съ подвѣшеннымъ къ нему комочкомъ.

— Видишь?—торжественно спросила она.

— Вижу.—Видь у меня былъ самый глупый.

Въ шнурочкѣ съ подвѣсочкой, даже въ сумеркахъ, не было ровно ничего царственного.

— Этотъ шнурочекъ надѣла мнѣ на шею бабушка, когда собралась помирать. Надѣла и сказала: „Береги: здѣсь твое счастье“.

— Ну, а про царевну — то какъ она сказала? — добивалась я.

— Да, вѣдь, я же тебѣ и говорю, что сказала, — уже съ раздраженіемъ произнесла Цыпани. — Здѣсь твое счастье. — Она повторила эти слова и въ звукѣ ея голоса, въ блѣдномъ лицѣ съ большими глазами, изъ которыхъ смотрѣла душа, заглянувшая въ прошлое, вдругъ проступило что-то болѣе убѣдительное, чѣмъ слова.

— Развѣ можетъ быть счастливъ человѣкъ въ чужой землѣ? У каждого должна быть своя родина, свое царство. И когда евреи вернутся въ свое царство, — тамъ будутъ у нихъ и царевны. Дѣдушка мой, онъ былъ ученый, очень ученый человѣкъ, онъ читалъ много всякихъ книгъ и не было такой вещи на свѣтѣ, которую бы онъ не зналъ. Такъ вотъ дѣдушка часто рассказывалъ мнѣ про царство. Я и пѣсню такую знаю. Старая пѣсня. Ее пѣли евреи еще у себя на родинѣ. Хочешь спую? —

И, не дожидаясь отвѣта, Цыпани запѣла.

Она пѣла мнѣ не въ первый разъ. Голосъ у нея былъ небольшой и я не понимала словъ пѣсни, такъ какъ пѣла она по-еврейски, но и въ странныхъ гортанныхъ звукахъ, какъ и во всей Цыпани, была какая-то особенная сила, подчинявшая меня себѣ.

— Ты не понимаешь? Здѣсь поется про старый Сіонъ, про горы, покрытыя виноградникомъ. Виноградъ цвѣтеть... Пою я, и мнѣ кажется, что я слышу его запахъ. — Худые пальцы дѣвочки сжали подвѣсочку на шнурочкѣ.

— Вотъ, когда я пою, я знаю навѣрное, что царство есть, а я буду царевной. Я это чувствую, вотъ здѣсь чувствую.

И Цыпани прикоснулась рукой къ тому мѣсту кофточки, подъ которымъ предполагала у себя сердце.

— Скажи, ты мнѣ вѣришь?

Холодные пальцы обхватили мою руку, а въ заглянувшихъ мнѣ въ лицо глазахъ было столько страха и молчаливой просьбы, что я, отогнавъ все сомнѣнія, отвѣтила:

— Вѣрю.

Темные глаза Цыпани вспыхнули, ея спина выпрямилась, и вся она стала сразу стройнѣе и выше. Правда, въ это время уже ночь спускалась на землю и, можетъ быть, все это мнѣ показалось, но голосъ ея торжественно прозвучалъ въ тишинѣ ночного сада:

— А теперь поклянись, что никому не выдашь моей тайны.

Я собралась поклясться, но въ эту минуту совсѣмъ близко около насъ крикнули:

— Барышня, вы здѣсь?

Изъ темноты выдѣлилась фигура нашей горничной Вѣры. Разглядѣвъ меня, она подошла ближе.

— Барышня, пожалуйте чай кушать. Все за столомъ сидятъ.

Мнѣ хотѣлось сказать что нибудь на прощанье Цыпанѣ, но ея уже не было. Она имѣла необыкновенную способность исчезать, когда ко мнѣ приближался кто нибудь изъ моихъ домашнихъ. Никто не сочувствовалъ нашему сближенію и, по всей вѣроятности, она это понимала.

Еще разъ взглянула я на дома подъ горой, свѣтившіеся огоньками, на дальнія горы, надъ которыми дрожали еще блѣдныя звѣзды, и неохотно направилась домой. Въ саду темномъ и таинственномъ было такъ хорошо, было что-то жуткое въ скрипѣ нашихъ шаговъ по дорожкѣ, усыпанной крупнымъ пескомъ и мелкими ракушками.

Изъ сада мы вышли на вымощенный плитами дворъ. Сюда выходили деревянные террасы, огибавшія задній фасадъ дома.

Подъ лѣстницей, которая вела наверхъ, свѣтилось окно. Тамъ жилъ часовщикъ. Часовой магазинъ выходилъ на улицу, а жилия комната, единственная, въ которой помѣщалась семья,—во дворъ.

Я заглянула въ окно.

Часовщикъ сидѣлъ у стола, освѣщеннаго лампой и что-то работалъ, жена его укачивала ребенка, другія дѣти, вѣроятно, уже спали за ситцевой занавѣской. Цыпани сидѣла, подперевъ рукой рыжую лохматую голову и глаза ея смотрѣли за окно въ темную ночь.

Быстро поднялась я по лѣстницѣ.

Мы жили наверху. Наша терраса вся была заставлена олеандрами и отъ ихъ горьковато-сладкаго остраго запаха кружилась голова. Дѣдушка любилъ олеандры и ухаживалъ за ними, какъ за дѣтьми.

Въ столовой я долго жмурилась отъ свѣта лампы. Чай уже отпили. На столѣ передъ моимъ стуломъ стояла налитая чашка. Мама вязала, дѣдушка, по обыкновенію, раскладывалъ пасьянсъ.

— Что такъ поздно, Таня? Чай простылъ,—сказала мама и придвинула мнѣ баранки.

Дѣдушка ничего не сказалъ, только одна бровь у него стала выше другой и онъ сразу спуталъ карты. Это всегда съ нимъ случалось, когда онъ былъ чѣмъ нибудь недоволенъ.

Но это не смутило меня. Я услышала столько интереснаго и могла думать и говорить только объ этомъ.

— Дѣдушка, скажи, найдутъ евреи свое царство?

Мой вопросъ былъ для всѣхъ неожиданностью.

— Откуда это у тебя? — спросила мама и отложила въ сторону свое вязанье.

— Да, интересно знать, откуда? — проговорилъ дѣдушка.

Онъ какъ разъ кончалъ пасьянсъ. Положивъ послѣднюю карту и, убѣдившись, что карты сошлись, онъ пришелъ въ хорошее настроеніе и, потирая руки, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Однако, если дѣвочка интересуется, надо постараться ей объяснить, — сказалъ онъ, остановившись передо мной.

— Видишь ли, я не могу навѣрно сказать тебѣ, найдутъ ли евреи свое утраченное царство и будутъ ли опять жить на своей родинѣ, въ Палестинѣ, но въ душѣ лучшихъ людей еврейскаго народа жива великая любовь къ родинѣ, великая тоска по ней. Они страдаютъ въ разлукѣ съ нею и живутъ мечтой о ней. А всякая настоящая любовь, всякая упорная мечта уже приобрѣтаютъ человѣку царство, хотя, можетъ быть, не здѣшнее, не земное.

Дѣдушка замолчалъ и перевелъ свой взглядъ съ меня на маму. Мама улыбнулась и кивнула ему головой. Я смотрѣла на маму и на

дѣдушку, слушала, что онъ говорить и думала, что онъ говорить именно о Цыпанѣ, о ея пѣснѣ. Мнѣ ужасно хотѣлось спросить его о царевнахъ, онъ навѣрное зналъ о нихъ, но я боялась выдать Цыпаню и молчала.

На другое утро я проснулась рано. Былъ четвергъ, базарный день.

По четвергамъ я обыкновенно ходила съ горничной Вѣрой покупать хлѣбъ, фрукты, и ягоды. Мнѣ нравилось непривычно раннее вставанье по этимъ днямъ, нравилось одѣваться на спѣхъ, проходить на цыпочкахъ мимо комнатъ дѣдушки и мамы, нравилось изъ тишины непроснувагося еще дома попадать въ шумную базарную толпу.

Все живое здѣсь кричало своимъ голосомъ: ржанье, мычанье, пѣтушинный крикъ, гусиный свистъ, людской говоръ и смѣхъ—все это сливалось вмѣстѣ, и гулъ стоялъ надъ пестрой движущейся толпой. Пахло дегтемъ, сѣномъ, цвѣтами и ягодами.

Меня знали на базарѣ и отовсюду протягивались ко мнѣ руки съ разными товарами. Я шла, не торопясь, заглядываясь на кораллы и монисты, на пестрыя ленты. Подъ яркимъ южнымъ солнцемъ все это казалось такимъ красивымъ, яркимъ, праздничнымъ.

Выбравъ наконецъ здѣсь все, что мнѣ было нужно, я поворачивала въ узкій проходъ, съ двухъ сторонъ котораго стояли столы съ бѣлымъ и чернымъ хлѣбомъ и баранками. Здѣсь торговали еврейки.

Въ этомъ ряду все было уже другое. Казалось, будто облако набѣжало на солнце и все сразу потухло. Рѣзкій гортанный говоръ стоялъ въ воздухѣ, но не слышалось здѣсь ни шутокъ, ни смѣха.

Мнѣ вспомнилось разрушенное царство, разсѣянный по землѣ народъ. Мнѣ казалось, что на всѣхъ рѣзкихъ лицахъ съ темной блѣдностью и во всѣхъ черныхъ, тоскующихъ глазахъ я вижу великую затаенную тоску людей, лишенныхъ родины.

Въ концѣ ряда помѣщался столъ матери Цыпани, у которой я обыкновенно покупала хлѣбъ.

Цыпаня помогала матери. Она издали замѣтила меня и кивнула мнѣ рыжей головой.

Когда я подходила къ столу, Цыпаня выбрала для меня самый поджаристый хлѣбъ и, укладывая его въ корзину, шепнула:

— Смотри, никому не говори о вчерашнемъ.

Я отвѣтила ей тоже кивкомъ головы и подумала, что, если бы даже я и рассказала, то все равно никто бы не повѣрилъ. Сегодня, при якомъ солнцѣ, Цыпаня еще меньше походила на царевну. Всклоченная, худая, неряшливо одѣтая, она больше всего напоминала заморенную кошку.

„И что это за шнурочекъ у нея на шеѣ? Что къ нему подвѣшено? Нужно будетъ разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ“, думала я, возвращаясь домой.

Когда наступилъ вечеръ, мама, дѣдушка и я вышли, по обыкновенію, посидѣть на террасѣ.

Мама работала, дѣдушка озабоченно осматривалъ свои олеандры. Подрѣзая ножницами уже отцвѣтшіе цвѣты, онъ бросалъ ихъ во дворъ. Я, облокотившись на перила, смотрѣла внизъ и слѣдила за тѣмъ, какъ

чи то худыя грязныя дѣтскія руки проворно подхватывали на лету каждый выбрасываемый цвѣтокъ.

— Мама, я пойду въ садъ,—сказала я.

Въ саду я долго бродила одна, поджидая Цыпаню. Она пришла позднѣе обыкновеннаго.

— Ребенка укачивала, все не засыпалъ,—сказала она.

Мы пробѣжались съ ней къ обрыву у конца сада, слазили въ заросшія кустарникомъ оврагъ, а потомъ пошли, какъ всегда, къ сливѣ за клеємъ. Послѣ жаркаго дня клея было особенно много. Ошнурочкѣ я вспомнила только, когда собралась домой.

— Покажи ка мнѣ ту штучку, которую тебѣ повѣсила бабушка. Вчера я не разсмотрѣла,—сказала я.

Цыпаня охотно засунула пальцы за воротъ и вдругъ вся поблѣднѣла.

— Что съ тобой?—крикнула я.

— Кажется, шнурочка нѣтъ... потерялся...—прерывающимся голосомъ отозвалась она.

Я помогла ей растегнуть воротъ. Мы искали шнурокъ за рубашкой, потомъ на землѣ, но его нигдѣ не было.

На Цыпаню жаль было смотрѣть, въ такомъ она была отчаяніи.

— Шнурочекъ перетерся вѣрно, онъ былъ такой старенькій,—сказала я.

Она только молча кивнула головой. Губы у нея дрожали и въ большихъ глазахъ съ синими бѣлками стояли слезы.

Меня уже звали пить чай, но оставить такъ бѣдную Цыпаню я не могла.

— Слушай, теперь ночи свѣтлыя: луна. Когда все заснуетъ, мы придемъ въ садъ и поищемъ. Хорошо?

Она молча кивнула головой.

Прошло уже много долгихъ лѣтъ съ того дня, когда я, переждавъ, чтобы все въ домѣ успокоилось на ночь, вышла на террасу, но я какъ сейчасъ помню полную луну, заглянувшую мнѣ въ лицо, едва я отворила дверь. И не только луну, я помню все до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Я вижу дѣдушкины олеандры. Ихъ острые тяжелые листья казались металлическими и черная тѣнь отъ нихъ лежала неподвижно на бѣлой стѣнѣ. Помню я, какъ скрипнула половица подъ моей ногой, какъ забилося и замерло сердце... Остановиваясь на каждой ступенькѣ, спустилась я внизъ. Цыпаня уже ждала меня подъ лѣстницей. Не говоря ни слова, мы крѣпко схватились холодными руками и вышли во дворъ.

Гулко прозвучали въ тишинѣ ночи первые неосторожные шаги.

Мы замерли.

Бѣлыя плиты, бѣлыя стѣны и черныя рѣзкія тѣни по угламъ... Все было другое, чѣмъ днемъ, все казалось такимъ чужимъ, таинственнымъ, страннымъ. Стараясь ступать неслышно, добрались мы до калитки сада и здѣсь едва розняли наши занѣмѣвшіе пальцы. Я взглянула на Цыпаню. Она смотрѣла на скобку въ калиткѣ, видимо не рѣшаясь къ ней прикоснуться. Тогда я рѣшительно положила пальцы

на желѣзную скобку и крѣпко нажала ее. Скобка не двинулась. Я попробовала еще разъ, потомъ еще. Безуспѣшно. На ночь калитку заперали на ключъ, но мы и не подумали объ этомъ. Цыпаня тихо плакала и такъ жалко было смотрѣть на ея маленькую, вздрагивающую отъ рыданій фигурку передъ высокой бѣлой стѣной и тяжелой глухой калиткой. Я старалась ее утѣшить, гладила по холодной мокрой щекѣ, обнимала за худенькія плечи и говорила, говорила безъ конца. Мнѣ хотѣлось заглушить внутреннюю радость и увѣрить саму себя, что я жалѣю, что калитка оказалась запертой. Въ глубинѣ души я струсила и чувствовала большое облегченіе отъ сознанія, что можно не идти въ садъ.

— И никто уже никогда, никогда не узнаеть, что я царевна,— всхлипывала Цыпаня.

Я взяла ее за руку и потащила назадъ. Моего отсутствія никто не замѣтилъ. Чернымъ пятномъ на бѣлой стѣнѣ выдѣлялась оставленная мной полуоткрытой дверь. Я проскользнула въ нее и черезъ нѣсколько минутъ лежала уже въ постели.

„Конечно жаль, что пришлось вернуться, жаль, что все понапрасну“... —еще разъ постаралась я убѣдить себя, но внутренній голосъ еще настойчивѣе и убѣдительнѣе говорилъ мнѣ, что я струсила и очень рада, что пришлось вернуться отъ калитки домой. Шнурочка мы такъ и не нашли.

Прошло много лѣтъ. Я кончила медицинскіе курсы и была больничнымъ врачомъ, когда, совершенно случайно, мнѣ предложили билетъ въ какой-то благотворительный концертъ.

Въ день концерта я чувствовала себя очень усталой. Было много больныхъ, много тяжелыхъ впечатлѣній. Думала и совсѣмъ никуда не ѣхать, но потомъ быстро одѣлась и поѣхала.

— Можетъ быть, освѣжусь,—рѣшила я.

— Въ рабочей жизни необходимо имѣть впечатлѣнія изъ другого міра. Это такъ освѣжаетъ и подбадриваетъ.—Такъ думала я въ то время, какъ пролетка подбрасывала меня на ухабахъ. Видѣ толпы и яркое освѣщеніе концертнаго зала въ самомъ дѣлѣ какъ будто подбодрили меня, но это продолжалось очень недолго.

На эстрадѣ кто-то пѣлъ, кто-то читалъ, потомъ играли на роялѣ, потомъ опять читали. Публика вяло похлопывала. Было сѣро и скучно. Я подумывала уже уѣхать и даже встала съ мѣста, но какъ разъ въ эту минуту на эстрадѣ появилось что-то бѣлое, и мои сосѣди недружелюбно покосились въ мою сторону. Я покорно опустилась въ кресло. Мнѣ было досадно на себя и на всѣхъ.

— И нужно же было ѣхать, гораздо лучше отдохнула бы дома,— съ раздраженіемъ говорила я себѣ въ то время, какъ съ эстрады доносились первые дрожащіе звуки скрипки.

Я люблю скрипку, но настроеніе мое на этотъ разъ сдѣлало меня глухой и безчувственной.

Разсѣяннымъ взглядомъ смотрѣла я на тонкую бѣлую фигуру женщины на эстрадѣ. Я сидѣла далеко, но у меня не было желанія посмотреть на скрипачку въ бинокль.

Я понимала, что на эстрадѣ настоящей артистъ и безучастно слу-

шала хорошую игру, пока вдругъ совершенно неожиданно какой-то звукъ не постучался мнѣ въ душу. И душа моя встрепенулась и прислушалась. Я забыла своихъ сосѣдей, всѣхъ этихъ чужихъ и ненужныхъ мнѣ людей, забыла, гдѣ я нахожусь. Я видѣла только одну неясную бѣлую фигуру, слышала звуки скрипки, такіе нѣжные и глубокіе, что ихъ можно было принять за человѣческое пѣніе.

Ожившая сказка пѣла свою пѣсню и въ этой пѣснѣ выдѣлялся одинъ голосъ. Это былъ голосъ глубокой тоски по чему-то утраченному и безконечно дорогому. Минутами онъ змиралъ, точно прислушивался къ струнамъ, говорившимъ о надеждѣ, но потомъ раздавался снова и все замолкало предъ нимъ.

Скрипачка кончила. Стало тихо. Люди вдругъ очутились на высотѣ, куда ихъ подняли чужія крылья. Очутились одни, испугались, замерли и ринулись внизъ. Черезъ минуту въ залѣ раздавались рукоплесканія, но мнѣ казалось, что въ этомъ оскорбительномъ хлопаньѣ и шумѣ я различаю чуть слышный шелестъ крыльевъ, которые хотятъ и не могутъ летѣть.

Я подняла къ глазамъ бинокль. Скрипачка раскланивалась. Она наклонила голову и меня поразило обиліе тяжелыхъ рыжеватыхъ волосъ. Когда дѣвушка выпрямилась, я увидѣла блѣдное лицо съ большими синими бѣлками черныхъ глазъ. Въ нихъ была печаль, радость и еще что-то, что напомнило мнѣ олеандры, лунную ночь, каменные плиты полузабытаго дворика и шнурочекъ...

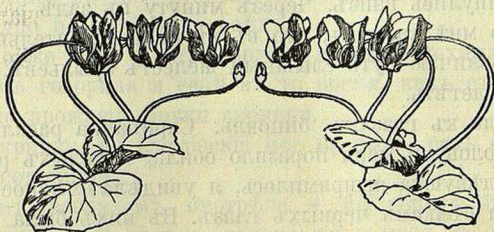
— Цыпаня! — чуть не крикнула я.

Скрипачку вызывали безъ конца. Она играла, потомъ снова выходила, раскланивалась, играла опять.

— Да, сомнѣній больше не было, это была Цыпаня, а то, что она играла, было мечтой ея души. Когда душа не можетъ больше вмѣстить мечты, она, чтобы не разорваться, даетъ ей свободу, отдаетъ ее другимъ.

Цыпаня напрасно плакала о потерянномъ шнурочкѣ. Ей онъ былъ ненуженъ; и безъ него всё поняли, что передъ ними настоящая царевна, царевна пѣсенъ и сказокъ, безъ которыхъ скучна и блѣдна человѣческая жизнь.

Н. Манаскина.

Подражаніе въ природѣ.

(Окончаніе).

СРЕДИ насѣкомыхъ примѣры подражанія особенно часты и хороши — это объясняется тѣмъ, что они живутъ на землѣ во много разъ дольше, чѣмъ высшія животныя, и потому имѣли болѣе времени приспособиться къ тому, что ихъ окружаетъ.

Дѣйствительно, въ глубокихъ нѣдрахъ земли сохранились отпечатки и слѣды труповъ насѣкомыхъ, между тѣмъ какъ слѣды присутствія львовъ, тигровъ и особенно человѣка встрѣчаются на сравнительно болѣе молодыхъ напластованіяхъ земной коры.

Поэтому мы выберемъ еще нѣсколько различныхъ примѣровъ подражанія у насѣкомыхъ; особенно интересенъ такой, гдѣ насѣкомое видимо уже приспособилось къ жизни человѣка на землѣ. Такое приспособленіе будетъ, конечно, болѣе молодымъ, такъ какъ человѣкъ является на землѣ позже всѣхъ другихъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что на березѣ водится бабочка, напоминающая со сложенными крыльями *отрѣзанный ножомъ* сучокъ березы. Рисунокъ настолько хорошъ, что даже кружки (годовые кольца древесины) отлично выписаны на крылѣ! Это одно изъ удивительнѣйшихъ приспособленій, которое мы знаемъ.

Послѣ него мы уже не будемъ удивляться тому, что многія гусе-

ницы вытягиваются, подобно вѣткамъ, по сучкамъ деревьевъ (рис. 2), что прямокрылый (близкое къ кузнечику) „бродячій листъ“, такъ похожъ

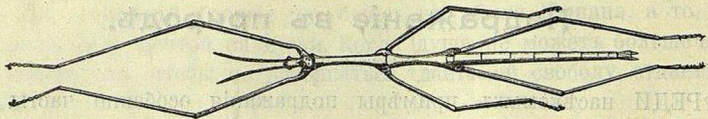

Рис. 2. Насѣкомое, подражающее вѣткѣ.

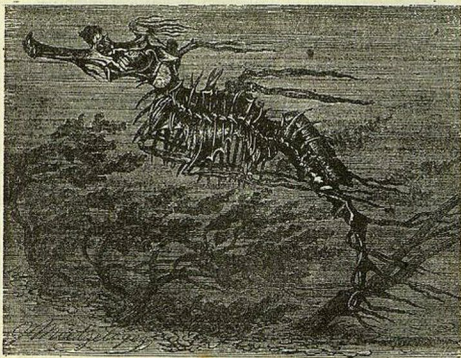

Рис. 3. Морской конекъ, подражающій водорослямъ.

на листъ, что его въ травѣ и не узнаешь. Да и самые зеленые кузнечики тоже не очень то легко замѣтны въ травѣ, и мы ихъ ловимъ чаще на слухъ, по ихъ стрекотанію. Впрочемъ не только насѣкомыя, даже рыбы (особенно морской конекъ, рис. 3) могутъ подражать растеніямъ.

Другимъ случаемъ подражанія приходится признать тотъ, когда животныя походятъ не на растенія, а на другихъ жи-

вотныхъ. У насъ, напр., водится бабочка, такъ сильно напоминающая шмеля, что не только на лету, но даже и въ спокойномъ состояніи

ее не сразу отличишь. Тут дѣло опять-таки ясно: шмель жалитъ, а бабочка безобидна; напоминающая опасное насѣкомое, она избавляется отъ преслѣдованія птицъ, которыя поостерегутся схватить шмеля (рис. 4). По той же причинѣ нѣкоторыя мухи напоминаютъ свирѣпыхъ осей. Другія гусеницы и бабочки напоминаютъ птичій пометь, который, конечно, ни одна птица трогать не станетъ....

Однако, число этихъ примѣровъ можно было бы увеличить почти до безконечности. Мы этого дѣлать не станемъ, щадя время нашихъ читателей, а предложимъ имъ самимъ наблюдать лѣтомъ природу и самимъ догадываться, почему жукъ или бабочка окрашена въ тотъ или другой цвѣтъ. Если только ознакомиться съ условіями ихъ жизни, то можно почти всегда дать на этотъ вопросъ вѣрный отвѣтъ.

Развѣ вотъ еще одинъ примѣръ: одна американская бабочка напоминаетъ другую, которая такъ отвратительно пахнетъ, что птицы иногда околѣваютъ отъ этого запаха. Между тѣмъ первая бабочка никакого запаха не имѣетъ, но уже одно сходство съ ея злостной товаркой спасаетъ ее отъ гибели (рис. 5).

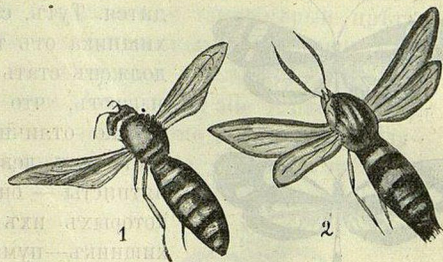

Рис. 4. Бабочка (справа) и шмель (слѣва).

Теперь перейдемъ къ подражаніямъ у высшихъ животныхъ, которое установить будетъ уже потруднѣе. Правда, мы видимъ, что левъ окрашенъ въ „цвѣтъ пустыни“, а тигръ въ цвѣтъ тѣхъ бамбуковыхъ

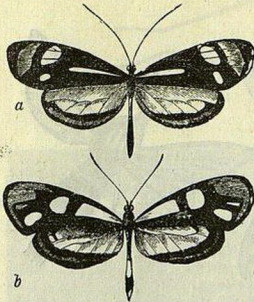

Рис. 5. Бабочки скверно пахнущая и безобидная.

зарослей „джунглей“, среди которыхъ онъ водится. Тутъ, слѣдовательно, окраска скрываетъ хищника отъ того несчастнаго звѣря, который долженъ стать его добычей. Охотники рассказываютъ, что въ пустынь, въ сумерки, льва трудно отличить отъ камня, и это очень помогаетъ ему ловить добычу. Леопарды и ягуары пятнисты — они сидятъ среди листьевъ, отъ которыхъ ихъ трудно отличить. Американскій хищникъ—пума, тоже изъ кошачьихъ, разстилается по сучьямъ, и потому окрашена въ цвѣтъ сука.

Особенно интересенъ, такъ называемый, „сезонный диморфизмъ“, т. е. свойство нѣкоторыхъ животныхъ мѣнять окраску въ зависимости отъ того, какъ мѣняется свой нарядъ природа. Цѣлый рядъ звѣрей и птицъ, горностаи, бѣлки, зайцы, полярныя лисицы, сѣверныя куропатки и т. д. и т. д., зимою бѣлѣютъ и ихъ тогда почти не отличить отъ снѣжной пелены, на которой, сохраняя свой лѣтній покровъ, они казались бы чернильными пятнами.

Птицы, особенно тропическія, оказываются еще интереснѣе въ этомъ отношеніи. Пестрые цвѣта ихъ именно соотвѣтствуютъ тѣмъ

растениямъ, среди которыхъ онѣ живутъ, и въ этомъ отношеніи о нихъ можно, въ общемъ, сказать, что уже было сказано нами о насѣкомыхъ.

Крупныя животныя: слоны, носороги, гиппопотамы, которымъ не приходится опасаться враговъ и не нужно ловить животныхъ, такъ какъ они травоядны, окрашены въ безразличный темно-сѣрый цвѣтъ.

Этотъ же цвѣтъ присущъ всѣмъ почти ночнымъ животнымъ, совамъ, крысамъ и т. д. Недаромъ же нѣмецкая пословица говоритъ, что ночью всѣ кошки кажутся сѣрыми (*Nachts sind alle Katzen grau!*).

Въ растительномъ царствѣ число несомнѣнно доказанныхъ случаевъ подражанія значительно меньше, и мы не стали бы на нихъ

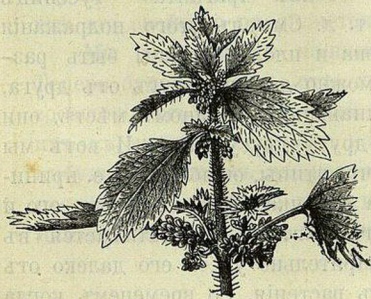

Рис. 6. Крапива настоящая, жущаяся.

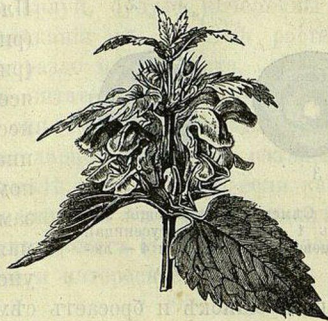

Рис. 7. Ясночка или глухая крапива — не жжется.

отстанавливаться, если бы не хотѣли доказать, что нашъ законъ природы относится ко всему живому царству.

У крапивы, напр., есть подражатель, ложная или глухая крапива или яснотка (*Lamium album*). Она такъ похожа на настоящую, что даже привычный глазъ съ трудомъ ее отличить (см. рис. 6 и 7). За-

тѣмъ, особенно часты случаи подражанія плодовъ или сѣмянъ различнымъ насекомымъ. Такъ, напр., сѣмена *Ricinus*, изъ которыхъ выжимается невкусная касторка, такъ похожи на клещей, что народъ и самое растеніе назвалъ клещевиною (рис. 8,₂). Плодики люцерны напоминаютъ улитокъ (рис. 8,_{3,4}) бобикъ траганта — гусеницъ (рис. 8,₁) и т. д. Смысль этого подражанія ясенъ—сѣмена и плоды должны быть разнесены возможно дальше другъ отъ друга, иначе, высыпавшись въ одномъ мѣстѣ, они помѣшаютъ другъ другу расти. И вотъ мы замѣчаемъ, что птицы, ошибаясь, т. е. принимая сѣмя за червяка, подхватываютъ его и уносятъ. Затѣмъ птица спохватывается въ

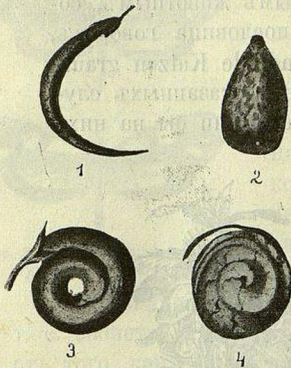

Рис. 8. Сѣмена, подражающія животныхъ 1 — траганта (гусеница); 2—клещевины (клещъ); 3 и 4 — люцерны (улитка).

своей ошибкѣ и бросаетъ сѣмя, предварительно унеся его далеко отъ того мѣста, куда оно было сброшено съ растенія. Со временемъ, когда мы будемъ говорить о распространеніи плодовъ и сѣмянъ, мы опять

вспомнимъ объ этомъ свойствѣ сѣмянъ. Еще интересенъ случай подражанія пузырьковъ пузырчатки (*Utricularia*), похожія на тѣхъ (рис. 9) самыхъ водяныхъ блохъ (дафній), которыми это любопытное плотоядное растеніе.

Затѣмъ намъ останется еще упомянуть о грибахъ-трутовикахъ, которые всегда почти бываютъ окрашены въ цвѣтъ коры того дерева, на которомъ сидятъ; этимъ, пожалуй, будутъ исчерпаны все случаи несомнѣнно доказаннаго подражанія въ царствѣ растений, гдѣ это свойство проявляется вообще гораздо менѣе рѣзко.

Мы представили нашимъ юнымъ читателямъ рядъ примѣровъ. Теперь будемъ ждать отъ нихъ, что они сами дополнятъ ихъ. Все сообщенія отъ нихъ мы примемъ съ благодарностью, будемъ разъяснять ихъ въ личной перепискѣ или въ журналѣ, а въ случаѣ, если какое-нибудь изъ такихъ наблюденій еще не описано въ ученыхъ книгахъ, постараемся отмѣтить и это и, кто-знаетъ, можетъ быть намъ и удастся найти общими силами что-нибудь новое и интересное.

А. Генкель.

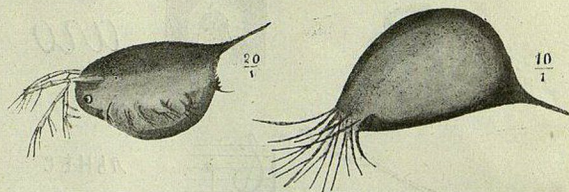

Рис. 9. Справа пузырь пузырчатки, слѣва дафнія, которую онъ заглатываетъ.

Ребусъ № 4.

ого

XVII ВѢКЪ
XVIII ВѢКЪ
XIX ВѢКЪ

льнѣ

А.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ № 4.

Загадка № 7.

1. Боть.
2. Лоть.
3. Моть.
4. Соть.
5. Роть.
6. Поть.
7. Коть.

Загадка № 5.

Буква о.

Загадка № 6.

Буква и.

Загадка № 7.

Буква з.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемые въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для ответа.

3. Г-е подписчики, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначаютъ почтовое мѣсто, куда журналъ долженъ быть адресованъ. Ответственность за исправную доставку журнала въ почтовыхъ мѣстъ почтамы на себя не принимаетъ.

4. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

5. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старыи адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 к.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ
на иллюстрированный дѣтскій журналъ

„ТРОИЦКА“

ВЫХОДИТЬ 1 и 15 ВАЖДАГО МѢСЯНА КНИЖКАМИ ВЪ 2—3 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА И
ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы,
статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Allegro*, М. С. Безобразова, З. Венгерова,
пр.-доц. А. Генкель, Т. Гиппиусъ, К. Есакова, Е. Кавосъ-Зарудная, А. Коваленская,
проф. Н. Котляревскій, А. Курпинъ, К. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ,
Н. Манасина, М. Н. Марцелесъ, Д. Мерезжковскій, Л. Нелидова, Э. Пименова,
А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, В. Успенскій, О. Хилова, О. Чюмина и мн. др.

Цѣль и задачи журнала—развивать въ дѣтяхъ художественное чутье,
давать имъ занимательное и полезное чтеніе, включающее религиозный
и сказочный элементъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 рубля, на
полгода 2 руб.

*Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ
извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; отдѣленіе конторы въ
Москвѣ при конт. Печковской, Петровск. лин.*

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго
Театра, 6.

Редакторы-издатели *П. Соловьева и Н. Манасина.*